

А.А. Пережогин

Ведомственный военный суд на кабинетских предприятиях Западной Сибири (1777–1800 гг.)

В XVIII – первой половине XIX в. процесс военизации управления охватил наиболее значимые отрасли экономики Российской империи, которые обеспечивали безопасность страны, эксплуатацию важнейших природных ресурсов, финансовые интересы государства и его главы. В том числе военные методы руководства использовались на Колывано-Воскресенских заводах, находившихся в ведении Кабинета Его Императорского Величества (в дальнейшем Кабинет). При этом обширный горнозаводской комплекс в Западной Сибири выступал в роли лидера военизации управления горно-металлургической промышленностью России.

В отечественной исторической литературе XX в. «военно-горный строй» расценивался как средство внеэкономического принуждения мастеровых и рабочих людей. Однако этот тезис не является исчерпывающим при характеристике военизированной модели управления кабинетскими предприятиями Западной Сибири. Взятый в качестве единственной и безусловной доминанты он значительно обедняет историческую действительность, которая была намного сложнее. В этой связи изучение ведомственного военного суда как важного элемента военизированной системы управления позволяет несколько иначе взглянуть на сам феномен «военно-горного строя», особенно в начальный период его существования.

Самые общие аспекты военного судопроизводства и судопроизводства в России XVIII в. затронуты в работах историко-правового плана [1–4]. Второй блок литературы по данной проблеме составляют публикации по истории региона. Специального упоминания заслуживает исследование Ю. Гессена о военном суде на золотых приисках Сибири [5]. Полнотой информации по Колывано-Воскресенскому (Алтайскому) горному округу отличаются публикации И. Тьжнова и особенно Н. Зобнина [6–7]. Последним был проанализирован большой объем военно-судебных дел Салаирской комиссии военного суда, но результаты его работы отражают реалии второй четверти XIX в. Оценки Н. Зобнина и выявленные исследователем факты получили распространение в со-

ветской исторической литературе и не вышли за рамки предложенных дореволюционным историком сведений [8–10]. Процесс формирования военного суда на Колывано-Воскресенских заводах в 1747–1780 гг. был предметом нашего сообщения на третьих научных чтениях, посвященных памяти профессора А.П. Бородавкина (5–6 октября 2001 г.) [11]. Можно с уверенностью утверждать, что постоянная комиссия военного суда в Барнауле была учреждена не в 1761, а в 1777 г. Первоначально она имела иную социальную направленность, чем принято считать. Объектом подсудности военного суда были не мастеровые и рабочие люди, а местная бюрократия, ее должностные преступления и служебные проступки.

Данная статья является логическим и хронологическим продолжением нашей публикации 2002 г. [11]. Новое исследование охватывает начальный период деятельности постоянного военного суда на кабинетских предприятиях Западной Сибири. Статья базируется преимущественно на неопубликованных архивных источниках делопроизводственного характера. Ее основу составили более пятисот судебно-следственных дел. Они относятся к массовому типу исторических источников. С их помощью исчерпывающе раскрываются принципы организации учреждения, его состав, вопросы компетенции, номенклатура рассмотренных дел, социальное происхождение подсудимых, нюансы судопроизводства, сама деятельность военного суда.

Как мы уже отмечали, постоянный военный суд на Колывано-Воскресенских заводах (в Барнауле) был учрежден в 1777 г. До 1780 г. он занимался разбором дел о преступлениях горных офицеров и служащих горного батальона. Указ Кабинета от 24 сентября 1779 г. предписал начальнику заводов Б.И. Меллеру качественное расширение его компетенции за счет мастеровых и рабочих людей. Прямым следствием этого распоряжения явилась резкая активизация работы Барнаульской комиссии военного суда. Если в январе 1778 г. под военным судом состояло всего 3 чел. (все горные офицеры), то в сентябре 1780 г. – уже 57 (в основном берггайеры и горные работники). В 1784 г. нор-

мы военного судопроизводства были распространены на урочников. В августе 1780 г. на Змеиногорском руднике была сформирована отдельная часть военного суда в составе трех ассессоров из военных и горных обер-офицеров, аудитора из сержантов. Изначально Змеиногорская комиссия не обладала правом заключения приговоров (сентенций, мнений), а проводила только розыски по преступлениям горнозаводского населения Змеиногорского края, направляя следственные материалы в Барнаул. С ростом числа рассматриваемых дел постепенно вырос штат канцелярии Барнаульской комиссии военного суда: с 2 чел. в 1778 до 5 чел. в 1797 г. [11–12].

Барнаульский военный суд в 1777 г. был укомплектован в следующем составе: презус из штаб-офицеров горного батальона, четыре ассессора из батальонных обер-офицеров, один ассессор из горных обер-офицеров, аудитор из сержантов. Со временем число ассессоров в Барнаульской военно-судной комиссии сократилось до 3 чел. Как правило, в ней заседали два военных и один горный офицер. В 1777–1800 гг. обязанности ассессоров Барнаульского военного суда и его отдельной части в Змеиногорске отправляли 27 горных и 32 военных обер-офицера. Презус и ассессоры не получали особого жалования за работу в суде. Следствием этого было небрежное отношение к исполняемым обязанностям [13]. Сказывалось также отсутствие должного контроля над работой суда со стороны аудитора. Эту должность выполняли батальонные писари, обер- и унтер-офицеры. Они не имели достаточной квалификации. Ходатайство начальника заводов перед Кабинетом в сентябре 1797 г. о назначении опытного аудитора закончилось неудачей [14].

С созданием Змеиногорского филиала завершилось первоначальное оформление структуры военного суда на Кольвано-Воскресенских заводах, но не его компетенции. Имеющиеся в нашем распоряжении документы свидетельствуют о наличии межведомственных разногласий горного начальства с общегосударственными судебными органами по вопросу подсудности уголовных преступников из мастеровых и рабочих людей. Данная проблема возникла осенью 1781 г. Это видно из сообщения Судного департамента Кольванской области от 22 октября генерал-майору Б.И. Меллеру. В нем шла речь о расследовании в Кольванской верхней расправе нескольких случаев краж «денег и пожитков на немалую сумму» крестьянами Малышевской слободы и мастеровыми Сузунского завода. В сообщении высказывалось сомне-

ние в правомерности осуществления военного судопроизводства над мастеровыми, «кои явятся в разбоях и воровствах». В срочном порядке Б.И. Меллер доложил о спорной ситуации в Петербург. Он усмотрел в ней угрозу потери работников для предприятий. Кабинетский указ от 16 июля 1782 г. развеял опасения начальника заводов, предписав отсылать мастеровых по уголовным делам в военный суд [15]. Несмотря на это распоряжение, с возможностью передачи мастеровых и рабочих людей гражданскому суду покончено не было. Переписка по данному вопросу возобновилась в 1798–1799 гг. Причины этого крылись в результатах административных реформ 1796–1797 гг., которые привели к временному отсутствию четких критериев взаимодействия между горными и гражданскими властями в судебной сфере. 11 июля 1799 г. Кабинет окончательно запретил отсылать преступников из мастеровых в гражданские суды [16].

В первые годы деятельности постоянного военного суда на кабинетских предприятиях имели место единичные случаи востребования военного судопроизводства применительно к мещанам, приписным крестьянам, женскому населению заводов [17]. Это объясняется первоначальной аморфностью военного суда и новых гражданских учреждений, созданных административными реформами 1779–1783 гг. и не имевших ясных представлений о своей компетенции.

В период деятельности военного суда на Кольвано-Воскресенских заводах с 1777 по 1800 г. нами было выявлено 536 военно-судебных дел. Их условно можно разделить на три группы. К первой относятся 350 дел (65%) по преступлениям против государственного и заводского порядка управления: «слово и дело государево» – 1, казнокрадство – 42, должностные преступления и служебные проступки – 32, подделка документов – 5, фальшивомонетничество – 2, корчемство – 1, поджоги – 1, нарушения порядка караульной и конвойной службы – 17, оскорбление словом «присутственных мест» (государственных учреждений) – 4, сокрытие преступника – 1, побеги – 227, пристанодержательство – 2, вступление в брак без разрешения начальства – 4, неповиновение начальству – 6, намерение убить начальника – 2, ложное показание на себя убийства – 1, членовредительство с целью избавиться от работы – 1, несчастный случай на производстве – 1.

Ко второй группе относятся 49 дел (9%) по преступлениям против личности и нрав-

ственности: убийство – 19, намерение убийства – 3, телесные повреждения – 11, половые преступления – 12, оскорбление словом частного лица – 4. Наконец, третья группа из 137 дел (26%) охватывает преступления против собственности частных лиц: кражи – 121, грабеж – 9, порча имущества – 3, мошенничество – 4 [18–20].

В указанные временные рамки под военным судом состояло не менее 1005 чел. Их социальный статус выглядел следующим образом: мастеровые и работные люди – 650 (64,7%), урочники – 144 (14,3%), солдаты и денщики – 99 (9,8%), унтер-офицеры – 23 (2,3%), военные офицеры – 8 (0,8%), горные офицеры – 19 (1,9%), горные нижние чины (унтер-шихтмейстеры, гиттенмейстеры, мастера, подмастерья и пр.) – 32 (3,2%), приказные служители (подканцеляристы, копиисты, писари и пр.) – 7 (0,7%), инвалиды (в том числе будочники, лесовщики, сторожа) – 14 (1,4%), жены военных и горнозаводских служащих – 4 (0,4%), мещане – 3 (0,3%), приписные крестьяне – 2 (0,2%) чел. [18–20]. Среди подсудимых из мастеровых и солдат удалось выявить двух несовершеннолетних 13 и 15 лет [21].

Распределение подсудимых по видам преступлений и социальным группам позволяет нам сделать несколько основополагающих выводов о деятельности военного суда на кабинетских предприятиях Западной Сибири. В целом по своей компетенции это учреждение был уголовным. С одной стороны, военный суд выступал важным регулятором социальных отношений в судебно-правовой сфере, и в определенной степени он сдерживал рост преступности в промышленных центрах. С другой – военный суд был средством внеэкономического принуждения, так как значительное место в его судебно-следственной практике занимали дела о побегах с заводских работ мастеровых, работных людей и урочников (41%). Горная бюрократия, горные нижние чины, командный состав батальона состояли под военным судом, главным образом по должностным преступлениям и казнокрадству. Для этих лиц он оставался средством дисциплинирования. Таким образом, за короткий промежуток времени постоянный военный суд проделал кардинальную эволюцию, превратившись в карательный орган для низовых слоев горнозаводского населения Западной Сибири. Мастеровые, работные люди, урочники и солдаты составляли 88,8% от числа всех подсудимых.

Основными целями выносимых военным судом карательных приговоров были возмездие

и устрашение. Этому способствовал обширный арсенал телесных наказаний – клеймение лба и щек, вырывание ноздрей, битье кнутом, плетью, батогами, морскими кошками (четырёххвостной плетью), лозами, тростями. С 1780 г. мастеровых как военнотружущих стали систематически наказывать шпицрутенами (длинными и гибкими прутьями). Наказания осуществляли солдаты, мастеровые и старшие школьники. Клеймение, вырывание ноздрей и битье кнутом возлагалось на профессиональных палачей – профоса и заплечных дел мастера. Максимальное наказание кнутом и шпицрутенами, зафиксированное в карательной практике заводов, составляло соответственно 300 и 6000 ударов. По причине нехватки рабочих кадров в 1780–1787 гг. осужденных за тяжкие преступления на каторжные работы отсылали на Томский железодельный завод. Неоднократно горным начальством предпринимались меры по сокращению числа побегов. Распоряжением начальника заводов Г.С. Качки от 16 декабря 1785 г. у беглецов стали выбривать половину головы [22]. Кабинетскими указами от 29 ноября 1787 г. и 25 сентября 1788 г. осужденных за неоднократные побеги и подстрекательство к ним следовало отсылать на Нерчинские заводы. В период с 1788 по 1796 гг. туда отправили не менее 34 осужденных: за побеги – 26, убийство – 6, фальшивомонетничество – 2 чел. [23]. При утверждении приговоров военного суда Горная канцелярия и начальник заводов руководствовались соображениями по сохранению работоспособности осужденных. В большинстве случаев они смягчали телесные наказания. Следует иметь в виду, что дворяне, горные и военные офицеры были освобождены от телесных наказаний. Тем не менее они были подвержены ощутимым репрессивным мерам со стороны высшего начальства, утверждавшим приговоры военного суда. По нашим сведениям, четыре представителя горной бюрократии за должностные преступления были лишены офицерских чинов, а солдат Л. Берендеев – дворянства за воровство [24].

При сопоставлении численности осужденных и оправданных лиц по основным пунктам обвинения мы пришли к следующим суждениям. Количество осужденных за побеги с заводских работ практически приближалось к 100%. В этом случае ситуация объясняется очевидностью совершенных побегов. Число оправданных и оставшихся в подозрении по деяниям против личности, нравственности и собственности частных лиц составляло не менее 50%.

Последнее обстоятельство говорит о наличии двух моментов в деятельности военного суда – низкой раскрываемости преступлений и относительной объективности судей, руководствовавшихся теорией формальных доказательств.

Процесс военного судопроизводства начинался официальным предписанием горного начальства. Перед слушанием дела презус и ассесоры приносили присягу. В рассматриваемый период наибольший вес имело собственное признание. Для его получения применяли пытку. Обычно подсудимых выдерживали на хлебе и воде либо «без пищи и питья» несколько суток. При увещевании подозреваемого прибегали к услугам священника. Свидетелей из гражданских лиц допрашивали в присутствии специального депутата от общегосударственных судебных учреждений. После анализа доказательств военный суд составлял «экстракт» с кратким содержанием дела, производил выписку из законов и переходил к формулировке приговора. Он составлялся в письменной форме и подписывался членами суда и аудитором. В наиболее важных случаях подписи скреплялись личными печатями ассесоров и председателя. Затем приговор поступал на утверждение горного начальства. По его ре-

золюции приговор приводили в исполнение. Если осужденный подвергался телесному наказанию, обязательной процедурой было составление так называемого исполнительного листа с подписями присутствовавших при наказании горных и военных офицеров. В зависимости от важности дела приговор Барнаульской военно-судной комиссии направлялся в Петербург, и тогда арбитрами выступали Кабинет, в 1800–1801 гг. экспедиция кабинетских заводов в составе Берг-коллегии, а также Военная коллегия по значимым делам военнослужащих Колывано-Воскресенского батальона. Высшим судьей являлся сам монарх.

Таким образом, постоянная Барнаульская военно-судная комиссия и ее отдельная часть в Змеиногорске наглядно демонстрировали одну из важнейших черт феодальной системы управления – неотделенность суда от администрации, так как от горного начальства зависели направление дел в военный суд, изменение его состава с учетом нужд горнозаводского производства, ревизия, утверждение или направление в вышестоящие инстанции выносимых приговоров. В этом отношении военный суд кабинетских предприятий Западной Сибири являлся чисто ведомственным судебным учреждением.

Литература

1. Розенгейм М.П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878.
2. Трощина К. История судебных учреждений в России М., 1851.
3. Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовного-процессуального права. Т. 1: Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. М., 1957.
4. Ефремова Н.Н. Судостроительство России в XVII – первой половине XIX вв. (историко-правовое исследование). М., 1993.
5. Гессен Ю. Военно-судные комиссии для рабочих на золотых приисках в Сибири // Архив истории труда в России. Кн. 5. Пг., 1922.
6. Тыжнов И. Из истории горнозаводского населения на Алтае (Материалы для истории крепостного права в Сибири) // Алтайский сборник. Т. 6. Барнаул, 1907.
7. Зобнин Н. Мастерские Алтайских горных заводов до освобождения // Сибирский сборник. Кн. II. СПб., 1892.
8. Карпенко З.Г. Рабочие чугуноплавильных и железоделательных заводов Кузбасса в крепостную эпоху // Труды научной конференции по истории черной металлургии Кузбасса, посвященной 140-летию Гурьевского завода (1816–1956). Кемерово, 1957.
9. Агапова Т.И., Изгачев В.Г., Карпенко З.Г., Романов В.В. Сибирская горно-металлургическая промышленность и предприятия Кабинета в XVIII – середине XIX в. // Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI – середина XIX в.). Новосибирск, 1982.
10. Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. 2-е изд. М., 1989.
11. Пережогин А.А. Формирование института военного суда в Колывано-Воскресенском горном округе (1747–1780 гг.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2002.
12. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 855. Л. 122 об.-123; Ф. 169. Оп. 1 доп. Д. 37а. Л. 382–383 об.
13. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 8. Л. 72.
14. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1 доп. Д. 37а. Л. 380.
15. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 44. Л. 536–539, 540–541 об., 542–542 об.
16. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 184. Л. 16-16 об.; Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 60. Л. 130–131.
17. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 127. Л. 248–249; Ф. 169. Оп. 1. Д. 44. Л. 101 об.-102 об.; Д. 62. Л. 303; Д. 82. Л. 88.
18. ЦХАФ АК. Ф. 1 Оп. 1. Д. 723. Л. 246–253; Оп. 2. Д. 34, 55, 64, 69, 127, 184, 208, 280, 286.
19. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 8. Л. 51-53 об.; Д. 34, 43, 44, 60. Л. 244–275; Д. 82, 90. Л. 10–21; Д. 91, 135. Л. 7–9; Д. 158. Л. 2–7, 27–30; Д. 177, 186, 198, 263,

Ведомственный военный суд на кабинетских предприятиях Западной Сибири ...

264, 281, 383, 387, 402, 414, 421, 437, 466, 480, 503, 563, 564, 594. Л. 66-68; Д. 606, 617, 653, 697, 707, 725, 727, 759, 769. Л. 55-56, 85-88; Д. 789, 862, 865.

20. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1 доп. Д. 11 а, 12, 12 а, 13, 34, 34 а, 37 а, 47; Ф. 24. Оп. 1. Д. 1, 2. Л. 1-5; Д. 3-6, 8, 12. Л. 36.

21. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 186. Л. 310-312; Д. 198. Л. 439.

22. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1 доп. Д. 47. Л. 871-871 об., 879.

23. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 606. Л. 25, 56, 79, 159; Д. 445. Л. 157-157 об.; Д. 503. Л. 185-186, 241-246; Д. 563. Л. 170-171 об.; Д. 727. Л. 205, 606; Д. 865. Л. 475; Оп. 1 доп. Д. 37 а. Л. 151.

24. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 726. Л. 235-235 об.; Ф. 169. Оп. 1. Д. 62. Л. 327-330 об.; Д. 383. Л. 400-400 об.; Оп. 1 доп. Д. 37 а. Л. 225-225 об.